

УДК 239

МОНГОЛЬСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ТЕНГРИЗМА И ХУБИЛАЙ-ХАН**Шагдар Бира**(Международная ассоциация монголоведения)*

В статье рассматриваются основные этапы развития монгольской идеологии тенгризма. Автор доказывает, что конечная (Третья) стадия тенгризма началась с правления Хубилай-хана, который дополнил создание мировой империи завоеванием всего Китая. В отличие от своих предшественников, Хубилай-хан был менее связан с завоеваниями, чем с проблемами умиротворения и консолидации мировой империи. В итоге монгольская идеология тенгризма подверглась большим изменениям благодаря импульсу буддийской религиозной и политической философии. Введенные Хубилай-ханом, по инициативе Пагба-ламы, усовершенствованный культ двора и красочные церемонии индо-тибетских буддийских тантрических божеств (в частности, Махакалы и Ситапатры) содержали демонстрацию буддийской богоподобной природы всемирного царства. Если тенгризм узаконивал всемирные завоевания монголов, то буддизм, в форме тибетского ламаизма, почитался с целью освящения мирного господства малочисленных элит монголов над всем миром.

Ключевые слова: монгольская идеология мирового господства, Хубилай-хан, международные культурные контакты, политический прагматизм, буддийский универсализм.

Существовало убеждение, что Тенгри (Божественное Небо) вдохновил и обусловил беспрецедентный подъем монголов в XIII и XIV столетиях, и эта вера была со временем развита в положение, составившее целостную политическую теорию, которая может быть названа тенгризм.

Идеология тенгризма прошла три стадии развития. Впервые она возникла в период, когда Чингиз-хан основал Великое Монгольское государство в 1206 г. В это время она была нацелена на сакрализацию и легитимацию мощи его Евразийской кочевой империи. Вторая стадия проходила в период всемирной экспансии потомков Чингиз-хана. В это время тенгризм развился в уточненную универсальную теорию тенгризации, в соответствии с которой все под Небесами должно было быть объединенным под управлением монголов. Третья стадия тенгризма началась с правления Хубилай-хана, который дополнил создание мировой империи завоеванием всего Китая. В отличие от своих предшественников, Хубилай-хан был менее связан с завоеваниями, чем с проблемами умиротворения и консолидации мировой империи.

Я уже обращался к первым двум стадиям этого процесса в некоторых моих предыдущих работах¹. В настоящее время я бы хотел вести речь о

* Печатается по: Shagdaryn Bira. The Mongolian ideology of tenggerism and Khubilay Khan // Mongolian culture and society in the age of globalization: proceedings of an international research conference, Western Washington University, August 5–6, 2005 / Edited by Henry G. Schwarz. Bellingham, Wash.: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 2006. Русский текст для нашего журнала предоставлен самим автором. Перевод с английского А. Бондаренко.

¹ Sh. Bira, "Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism", Journal of the Royal Asiatic Society 14 (2004), 3–12.

третьей стадии. Монгольская политика тенгризации достигла апогея, и Монгольская империя приобрела свой всемирный характер в период 35-летнего правления Хубилай-хана. Мир был действительно объединен под одной политической властью. Он был соединен сетью коммуникаций, известной как уртонная (ямская) система конных станций. Народы, идеи, информация и коммерция свободно потекли между странами через эту сеть. Среди примеров – создание и введение международного алфавита, т.н. квадратного письма, которое поддержало культурную интеграцию многих этнических групп, и создание астрономической обсерватории в Мараге в Азербайджане. Знаменитую обсерваторию возглавил великий астроном Насир ад-Дин ат-Туси (1201–1274). Она стала местом встречи ученых из разных стран, и там развивалось тесное сотрудничество между арабо-иранскими и китайскими астрономами. В 1267 году Хубилай-хан пригласил иранского астронома Джамаль ад-Дина в свою столицу Даду, нынешний Пекин. Астроном доставил астрономические инструменты, посланные через Ильхана Хулагу его брату Хубилай-хану. Знаменитый китайский астроном Гуо Шоуджин (1231–1316) вместе с его иранским коллегой Джамаль ад-Дином основали обсерваторию в столице империи, и их исследования были более плодотворны.

Монголы вступили в прямой контакт с разнообразными культурами, включая китайскую, индо-тибетскую, арабо-исламскую и центрально-азиатскую, во время монгольской династии Юань. Буддистская литература переводилась с различных языков на монгольский. Немало монголов владело китайским языком и письменностью. Они принимали активное участие в литературной и переводческой деятельности, а некоторые даже писали свои труды на китайском. Уйгуры, тангуты, тибетцы, китайцы, представители Центральной Азии работали в тесном сотрудничестве с монголами. В 1307 году Болодтемур, левая рука в секретарском совете, представил Кайсан-хану монгольскую версию знаменитой конфуцианской книги *Xiaojing* (*Сыновнее благочестие*) на так называемом государственном письме. Монголы также познакомились с историями знаменитого Романа об Александре. Министр Мунке-хана Махмуд Ялавач однажды рассказал своему господину историю из мусульманской версии Романа об Александре, и монгольскому хану она очень понравилась. Роман об Александре быстро преобрел широкую популярность и в начале XIV века все произведение было указано перевести на монгольский.

Обмен интеллектуальными достижениями от края до края Евразийского континента нашел свое наиболее прославленное выражение в первой мировой истории, известной как «Сборник летописей», составленной Рашид ад-Дином при помощи и участии международной команды историков, включая монгола Болода (Bolod=Pulad). Тесное сотрудничество и дружба Рашид ад-Дина и Болода очень символичны в условиях восстановления культурных взаимоотношений между Востоком и Западом. Томас Олсен пишет, что «в то время как всеми признанный наш Болод, обычно характеризуется – вполне точно – как образованный монгол и информатор Рашид ад-Дина. Однако он был более чем им. Он может быть справедливо охарактеризован как монгольский ученый-интеллектуал, космополит и деловой человек. И несмотря на постоянное влияние иностранных культур и их передовых образцов, он никогда не прерывал связи с монгольскими традициями. Болод, конечно,

хорошо знал китайскую и позднеперсидскую культуру, но оставался до самой смерти «экспертом» в монгольских обычаях и генеалогии»².

Я привел несколько частных примеров из интеллектуальной сферы. Больше подробностей может быть собрано в сфере экономики, коммерческих и гуманитарных взаимоотношений тех дней. Все эти факты показывают, что имело место и развилось нечто большее, чем военные завоевания кочевых «варваров», которые не принесли ничего, кроме разрушения и резни. Скорее, здесь имели место некоторые виды глобальных процессов, которые в некоторых отношениях могут быть сравнимы с современной глобализацией, особенно в условиях становления народов и стран, теснее и больше объединенных, чем когда-либо ранее.

Хубилай-хан был великим реформатором монгольской идеологии мирового господства. Он знал свою собственную кочевую цивилизацию так же хорошо, как конфуцианскую, буддийскую, арабо-исламскую и европейско-христианскую цивилизации, и он сделал все для него возможное, чтобы использовать их выгоды успешно и избирательно, в согласии со своей политикой тенгризации. Он объяснил Марко Поло свою религиозную политику следующим образом: «Есть четыре бога, почитаемые людьми. Иисус Христос христиан, Мухаммед иранцев, Моисей евреев и Будда Драгоценный (Чандамани). Я уважаю все эти четыре религии, однако кто бы из них ни был величайшим и самым почитаемым в небесах, я надеюсь, он благословит меня»³.

История подтверждает, что монгольский хан, в конце концов, отдал предпочтение буддизму как нейтральной и наиболее универсальной религии в сравнении с другими ему неизвестными религиями. Его политический прагматизм позволил ему найти универсальный и наднациональный характер буддизма, хорошо подходивший модели его многонационального всемирного царствования. Как хорошо известно, с древних времен буддизм развивал оригинальную теорию, в которой концепция чакравартин-раджа занимала центральное положение. В соответствии с этой идеологией мир должен быть объединен под флагом буддизма и управляем универсальной монархией, вращающей Колесо Дхармы. Следует обратить внимание, что в пробуддийской политике Хубилай-хана решающую роль играл Пагба-лама, знаменитый аббат монастыря Сакья в Тибете. Факт, что политика Хубилая по отношению к буддийскому Тибету сильно отличалась от политики по отношению к другим странам, существенно отражает его специфическое отношение к буддизму. Тибет, по существу, не был завоеван силой, но присоединен к Монгольской империи путем установления преимущественно духовных взаимоотношений, называемых самими тибетцами *Yong-mchod* (*Yong-bdag-mchod gna*; по-монгольски: *ögli-ge-yin ejen, takil-un ogun*) или отношение «Духовного Наставника Милостынедателя», которое, в конечном счете, выражено священным значением союза так называемых двух порядков (уставов): союза Хана или «Милостынедателя» как главы светской власти и Наставника как главы церковной власти.

В действительности, однако, отношение *Yong-mchod* не было равным партнерством двух глав власти. Хан как «Милостынедатель» играл лиди-

² Thomas T. Allsen, *Culture and Conquest in Mongol Eurasia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 79–80.

³ A.C. Moule, *Marco Polo* (Cambridge: Cambridge University Press, 1957), 201.

рующую роль и обеспечивал Наставника пожертвованиями, тогда как Наставник как духовный лидер служил освящению и законности власти хана. Можно сказать, что это было монгольской интерпретацией и модификацией старой традиционной индо-тибетской концепции буддийской монархии на основе монгольской идеологии тенгризации. После острых диспутов во время их первой встречи Хубилай-хан и Пагба-лама достигли согласия, по которому старая буддийская доктрина единства церковного и светского порядка подверглась значительной трансформации. Хубилай-хан позаботился о том, чтобы традиционная гегемония буддийской религии над государственной властью была ограничена, тогда как Пагба-лама добился специального статуса для своей страны как духовного центра Монгольской империи. Тибет того периода напоминает нам несколько расширенный Ватикан нашего времени.

Хубилай-хан проводит смелые реформы в универсальной идеологии своих предшественников. Не отбрасывая шаманизм и его идеологию, он предпочитает применять главные догматы буддийского универсализма к своей политике тенгризации. Устав Хубилай-хана вводится с первого дня среднего летнего месяца Года Мыши (1264) и называется «Жемчужная Яса» (*hjah-sa mo-tig-ma*). Монгольский хан, несмотря на традиционное обращение к власти вечного Тенгри⁴ и защите ханской харизмы (*suu jali*), в начале своего Устава утверждает следующее:

«Хотя должно следовать закону Чингиз-хана, чтобы достигнуть всего лучшего в этой жизни, необходимо полагаться на закон Будды после этой жизни. Постигнув смысл всего этого Я понял путь Шакьямуни единственного истинного пути. Мой учитель Пагба-лама, хорошо поняв сам тот путь, хорошо преподавал его другим. Вот почему Я принял посвящение (*dbang, abisheka*) от него и присудил ему титул Гоши, Государственного Наставника, и провозгласил его почитаемым всеми хуврагами (ламами)»⁵.

В этом же Уставе Пагба-лама был назначен Главой Религии, и все хувраги и ламы Тибета были обязаны повиноваться ему и быть занятыми исключительно в религиозных службах для благоденствия монгольского хана в соответствии с заповедями буддийского учения. По этим условиям только хан обязательно обеспечивал лам своими пожертвованиями и почитанием и освобождал их от «трех повинностей»: военной службы, налогов и уртонской повинности.

Этот Устав обозначал поворотную точку в идеологии тенгризма Хубилай-хана. Он в действительности провозгласил буддизм государственной религией, назначив Пагба-ламу Государственным Наставником. В то же время он подчеркнул его лояльность к власти Тенгри и покровительству хана. Здесь можно увидеть несколько типов деления власти с предпочтением, отдаваемым власти хана. Характерно, что почти все эдикты, выпущенные последователями Хубилай-хана, например, Буянту-ханом, и членами императорской семьи, подобно Мангале, вдове Дхармапалы, Ананде, равным образом ссылались на власть и силу Вечного Неба и ханскую харизму (*зии*), демонстрируя таким образом их лояльность к своей традиционной идеологии тенгризма. Несмотря на то, что эти документы касаются дел различных

⁴ "I have reconstructed the Mongolian original from the Tibetan: tse-ring gnam-gyi ...".

⁵ См. мою книгу о "Zolotoi knige" Sh.Dardina (Ulaanbaatar: Izd-vo Akademii nauk MNR, 1964), 73–74.

религий – буддизма, христианства, даосизма и ислама – их представителям было предписано молиться Небу и произносить благословения славе монгольского хана⁶.

Из Указа и других подобных источников ясно, что монгольский тенгризм не был в конфликте с буддийским универсализмом, как это было с исламом и христианством во время правления предшественников Хубилай-хана. Более того, тенгризм был значительно видоизменен под сильным влиянием фундаментальных идеологических принципов буддизма. Источники, в особенности тибетские, свидетельствуют о том, что при активном участии помощи Пагба-ламы монгольский хан сумел поставить буддизм на службу своей мировой империи. Таким образом, новая философия возникла с целью поддержки и легитимации узаконения монгольской политики тенгризации.

В своих многочисленных трудах, особенно в адресованных Хубилай-хану и членам его семьи, Пагба-лама много постарался для обоснования универсальности природы монгольской империи и утверждения законности права монгольского хагана как Чакравартин-раджи. В широко известном труде «*Shes-bya rab-gsal*» Пагба-лама сделал все возможное, чтобы обосновать всемирный характер Монгольской империи с точки зрения буддийской историографии. Книга была составлена по указу сына Хубилай-хана, наследного царевича Чингима в Год Земли-Тигра (1278). Государственный Наставник был первым, кто включил Монгольскую империю в схему общей истории буддийского мира и назвал Чингиз-хана Чакравартином (по-тибетски: *khog los sgyur-'ba' i rgyalbo*).

Это было весьма новой инициативой в буддийской историографии того времени. Автор дал краткое обозрение Монгольской империи в дополнение к истории Индии и Тибета, двух древних буддийских стран. Так впервые появилась, как я уже писал ранее, тройственная буддийская монархическая схема (Индия, Тибет и Монголия) письменной истории в тибетских монгольских исторических писаниях. Сообразно этой схеме история Монгольской империи была введена в историю буддийского мира, а Чингиз-хан и его потомки оказались связаны со священной генеалогией буддийских царей Индии и Тибета, ведущих свое начало от Махасамматы, легендарного праотца всех царей буддийского мира.

Я хочу особо подчеркнуть, что Пагба-лама не фальсифицировал историю, насильственно связывая родословными узами великих монгольских ханов с древними индийскими царями и тибетскими дхарма-раджами, как это позднее делали монгольские историки. Он только подтвердил, что существовала мировая империя, основанная Чингиз-ханом, и что эта империя стала буддийской под управлением Хубилай-хана. На этой основе он имел некоторые причины для включения Монгольской империи в список буддийских стран и для сравнения Чингиз-хана с Чакраварти и уподобил Хубилай-хана Бодхитсатве, называя его Дхарма-радже(о)й, носителем и покровителем всепобеждающего буддийского учения. За год до того, как Хубилай стал ханом, Пагба-лама возвел его на уровень великого Бодхит-

⁶ Cf. Pagba Lama-yin tuguji (*Kökegota: Öbör Mongol-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a*, 1992), 43–56.

саттвы-хана и многократно благословил его⁷. В одном из своих благословений он назвал Хубилая «высшим Бодхисаттвой, другом Дхармы, справедливым и милосердным покровителем мира»⁸.

В другом благословении Пагба-лама восхваляет Хубилай-хана как «высшего Бодхисаттву Сечен-хана, прославленного своими добродетелями, выдающегося в своей истинной вере и сострадательной мудрости, защитника религии и покровителя мира в своей чистой душе»⁹. Возвышение монгольского хана как Бодхисаттвы главой религии преследовало, кроме всего прочего, далеко идущую цель. Согласно буддийскому мировоззрению идеал Бодхисаттвы царя представляет космическое освобождение, которое не только освобождает его субъектов от всех страданий, но и обеспечивает космическое единство, интеграцию и гармонию во Вселенной. И нам не трудно представить, что Хубилай-хан был не только польщен всем этим славословием, но и воспринял его как объективно корректное, поскольку, помимо всего, хан был неутомим в своих попытках объединить «все под Небесами» всеми возможными способами.

Новый подход Хубилай-хана к политике тенгризации нашел свое наиболее впечатляющее выражение в том, что он сам обратился к буддизму на пути получения посвящения (*abisheka*, по-тибетски: *dbang*) от Пагба-ламы и акт посвящения был повторен трижды. Впервые это случилось в 1253 году, когда он еще не был ханом, но был вовлечен в тибетские дела, а два других случая произошли в 1260 и 1270 гг. Абишека, которую он получил, была посвящением Хеваджры (по-тибетски: (*dges-pa rdo rje*), тантрического божества (*yi-dam*). Хеваджра – одно из главных охраняющих божеств в ламаизме, которое особенно почитается в монастырях Сакья и которое почитается в тесной связи с почитанием Махакалы (по-тибетски: *mGon-po*). Сам Пагба-лама верил, что получил инициацию в Хеваджру от Махакалы.

Факт, что Хубилай-хан получил инициацию в обряды Хеваджры от прямого передатчика, имел с точки зрения тантризма великое магическое значение в условиях усиления его божественной природы и легитимации его всемирного царства. Имея напрямую установленный духовный контакт с его оберегающим божеством Махакалой, самым могущественным защитником религии, Хубилай-хан мог требовать получения всех его таинственных сил в деле управления своей империей. Так что монгольское царство могло обладать не только славой Тенгри, но и славой могущественного тантрического божества. Черная фигура ужасающего Махакалы, в действительности, стала символом могущества хана так же, как шаманистское черное сульде (*buncuk, sülde*) был символом мощи Чингиз-хана.

В 1270 г., по инициативе Хубилай-хана и Пагба-ламы, был возведен храм, посвященный Махакале, в местности Чжоу-чжоу, расположенной на юге от Даду. В храме обычно совершались ритуалы, посвященные Махакале, вселяющему страх защитнику, подавляющему все злые силы государства и религии. Эти ритуалы исполнялись особенно часто в период войны. Культ Махакалы продолжался вплоть до конца Юаньской династии, и многие храмы, посвя-

⁷ *hPhags-pa bla-ma, rGyal-po la gdams-pa'i rab-du byed-pa (Sa-skya bkah-hbum), Vol. Ba, ff. 1 a/ 344–37a/ 430a.*

⁸ *Sa-skya bkah-hbum, Vol. Va, ff. 3a/ 390b.*

⁹ *Pagba lama-yin tuguji, Coyiji., ed. (Kokeqota: Obor Monggol-un Arad-un Keblel-un Qoriy-a, 1992), 53.*

щенные Махакале, были построены в разных частях Китая. Даже несмотря на то, что они продержались недолго после падения Юаньской династии, эти ритуалы создали почитание Махакалы среди монголов, которое продолжилось и до настоящего времени. Танки и статуэтки Махакалы имеются во многих монгольских семьях, включая мою собственную, так как он стал широко рассматриваться как главный защитник монгольской нации.

Судя по описанию Чойджи-одсера (1305–1321) в его поэме, посвященной Махакале («Великий Черный»), в те дни божество представлялось как существо черного цвета, имеющее ужасающий образ с четырьмя руками, одним лицом, тремя красными глазами, символизирующими прошлое, настоящее и будущее, и желтыми волосами, держащее меч в своей передней правой руке, а череп в другой правой руке, копьё в верхней левой руке и дваджу (*dvaja*) или знамя победы в своей нижней левой руке. Это описание почти совершенно соответствует ужасающей форме Шивы в его аспекте разрушителя. Шива – один из Индийской триады божеств, где двое других – это Брами «создатель» и Вишну «охранитель». Это близкое подобие означает, что почитание Махакалы было традиционно ассоциировано с почитанием Шивы, который также изображался черным цветом, как и Махакала.

Другое охраняющее божество, выбранное Хубилай-ханом, была Ситапатра, по-монгольски – Цаган Шухэртэй, а по-тибетски – Дуккар (*gdugs-dkar*). В 1270 г. Хубилай-хан, по совету Пагба-ламы поднял над своим тронном во дворце Да Минг в Даду белый зонт тантрического бога Ситапатра. Этим актом Хубилай-хан превратил тантрическое божество в покровителя Монгольской империи. Как известно, белый зонт был популярен в буддийских странах как эмблема царской власти, обозначающая мир и процветание, и Хубилай-хан использовал его наряду с белым сульдэ (бунчуком) или знаменем Чингиз-хана как «сульдэ мира». Белый цвет и спокойное мирное изображение Ситапатры, возможно, хорошо резонировали с монголами дней Хубилай-хана, поскольку они вскоре стали отождествлять тантрическое божество со своим шаманским «духом-покровителем» цаган туг (белое знамя), который являлся белым штандартом, впервые поднятым Чингиз-ханом как символ мира и покровительства на церемонии его восшествия на престол в 1206 г.

Следует отметить, что идеологическое и практическое значение почитания тантрического божества Ситапатры преследовало далеко идущие цели сакрализации и умиротворения мировой империи монгольских ханов. Кто бы ни поклонялся этому божеству (*идам*, *yi-dam*), входил в мистическую и близкую связь с этим охраняющим духом и пользовался его мирными магическими силами и благами. Хотя тантризм был привнесен в Монгольскую империю из Тибета, его истоки восходят к древнеиндийскому почитанию женского начала как первопричины всех феноменов. Поэтому в тантризме большинство божеств (*идамов*) изображается в женском облике. Идам Ситапатра традиционно представляется как женское божество со всеми признаками. Она чисто белого цвета, со множеством рук и лиц, в своей главной правой руке держащая ваджру, а в главной левой – белый зонт с длинной ручкой, подавляющая несметные злые силы своей огромной юбкой. Изображения Ситапатры, как оно описано здесь, можно найти в монгольской версии Ганджура¹⁰.

¹⁰ Rasissereng, Monggol “Ganjuur” daki Burqan-u burin iji korug jirug; Degedii (Kokeqota: Obor Mongol-un Arad-un Keblel-un Qoriy-a, 2002), 78.

Исследователи, подобные Герберту Франке и Чоиджи, приводят некоторые интересные данные из Юань-ши, касающиеся ритуалов Ситапатры, которые были предложены Пагба-ламой и введены в императорском дворе Хубилай-ханом. Ритуалы Ситапатры поддерживались каждый год на пятидесятый день среднего месяца весны, начиная с 1270 года. В продолжение красочной церемонии, в которой участвовали хан и государственный наставник и большое число сановников, из ханского дворца брали белый зонт и несли его в процессии хождения вокруг столицы. Церемонию сопровождали огромные толпы народа и наблюдали со всем уважением, подобаемым великим праздникам, включающим одновременно религиозную и культурную формы красочного зрелища. После окончания процессии белый зонт возвращался в императорский дворец и вновь водружался над ханским трон¹¹.

Почитание Ситапатры и связанные с ним ритуалы были предназначены демонстрировать огромным толпам, сопровождающим ежегодные празднества, и империи, как все ханское могущество обеспечивает мир и благоденствие для всех. В то же время ритуалы служили демонстрации богоподобной природы монгольских ханов как Чакраварти-императоров вселенной.

В итоге необходимо сказать, что в юаньский период Монгольской империи традиционная монгольская идеология тенгризма подверглась большим изменениям благодаря импульсу буддийской религиозной и политической философии. В сравнении с другими религиями и идеологиями, известными монгольским ханам, в то время, буддизм предложил им форму универсализма, которая, благодаря ее над-национальной и космополитической природе, была более созвучной потребностям правления мировой империи. В отличие от замененного тенгризма, буддийская модель монарха как Чакраварти упрочила его, служа в качестве новой передовой парадигмы для подражания, моления и, наконец, обожествления монгольских ханов в их попытках оправдать и узаконить свое мировое господство.

Монгольская династия Юань представлена в своей идеологии и форме более буддийской универсальной монархией, чем китайский или кочевой тип восточных империй. Введение Хубилай-ханом по инициативе Пагба-ламы усовершенствованного культа двора и красочных церемоний индо-тибетских буддийских тантрических божеств, в частности, Махакалы и Ситапатры, содержало демонстрацию буддийской богоподобной природы всемирного царства. Если тенгризм узаконивал всемирные завоевания монголов, то буддизм в форме тибетского ламаизма почитался с целью освящения мирного господства малочисленных элит монголов над всем миром.

Сведения об авторе: Шагдар Бира – почетный президент Международной ассоциации монголоведения, профессор, академик Академии наук Монголии, доктор исторических наук (г. Улаанбаатар, Монголия); iams@magicnet.mn

¹¹ Herbert Franke, *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The legitimation of the Yüan Dynasty* (München: Verlag der BAW, 1978), 60–62; Coyiji, *Monggol-un burqan-u sasin-u teüke. Yeke Monggol ulus-un üy-e, 1206–1271* (Kökeqota: Öbör Monggol-un *Arad-un Keblel-ün Qoriy-a*, 1998), 283–284.

THE MONGOLIAN IDEOLOGY OF TENGERISM AND KHUBILAI KHAN

Shagdar Bira

(International Association of Mongolian Studies)

The article examines the main stages in the development of the Mongolian ideology of Tenggerism. The author proves that the final (Third) stage of Tenggerism began with the reign of Khubilai Khan who completed the creation of a world empire by the conquest of the whole of China. Unlike his predecessors, Khubilai Khan was less engaged in the conquests than in the problems' solution of pacification and consolidation of a world empire. As a result, the Mongolian ideology of Tenggerism underwent great changes through the impulse of the Buddhist religious and political philosophy. The enhanced cult of the imperial court and the colorful ceremonies of Indo-Tibetan Buddhist tantric deities (such as Mahakala and Sitapatra), introduced by Khubilai Khan at the initiative of 'Phags-pa Bla-ma, contained a demonstration of Buddhist god-like nature of a worldwide empire. If Tenggerism had legalized the World conquests of the Mongols, then Buddhism in its Tibetan form of Lamaism was subsequently revered in order to consecrate the peaceful domination of the thin Mongolian elites over the entire world.

Keywords: Mongolian ideology of world domination, Khubilai Khan, international cultural exchanges, political pragmatism, Buddhist universalism.

REFERENCES

1. Bira Sh. *Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism*, Journal of the Royal Asiatic Society 14 (2004), pp. 3–12.
2. Bira Sh. *Sh. Damdina*. Ulaanbaatar, 1964.
3. Coyiji. *Monggol-un burqan-u sasin-u teüke. Yeke Monggol ulus-un üy-e, 1206–1271*. Kökeqota, Öbör Monggol-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a, 1998.
4. Herbert Franke. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The legitimation of the Yüan Dynasty*. München, Verlag der BAW, 1978.
5. Moule A.C. *Marco Polo*. Cambridge, Cambridge University Press, 1957.
6. Pagba Lama-yin tuguji. Kökeqota: Öbör Monggol-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a, 1992.
7. Rasissereng. *Monggol "Ganjuur" daki Burqan-u burin iji korug jirug; Degedii*. Kokeqota, Obor Mongol-un Arad-un Keblel-un Qoriy-a, 2002.
8. Thomas T. Allsen. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

About the author: Shagdar Bira – honorary president of the International Association of Mongolian Studies, professor, academician of the Mongolian Academy of Sciences, Doctor of historical sciences (Ulaanbaatar, Mongolia); iams@magicnet.mn